

— Юнь Чу.

Услышав голос Вэй Цзиньшу, Юнь Чу поспешно спрятала Книгу Судеб и отозвалась:

— М? Что случилось?

Вэй Цзиньшу приподняла подол платья, подошла и опустилась рядом с Юнь Чу:

— Я хочу узнать, что Книга Судеб подскажет дальше.

— Это... время еще не пришло, Книга Судеб не явит знаков. Подожди еще немного. — Она ни за что не позволила бы простой смертной заглядывать в свою Книгу Судеб, ведь неизвестно, к каким последствиям это могло привести.

— Хорошо, я буду слушать тебя.

Юнь Чу подумала, что, хотя говорить прямо нельзя, дать небольшую подсказку не помешает. Иначе с чего бы Вэй Цзиньшу вдруг взбрело в голову учиться верховой езде и стрельбе из лука?

Подумав об этом, Юнь Чу осторожно спросила:

— Ты когда-нибудь училась ездить верхом? Или стрелять из лука?

— Никогда, — Вэй Цзиньшу покачала головой. — Почему ты спрашиваешь?

Юнь Чу не знала, как это объяснить, долго мялась, а потом вымученно улыбнулась:

— ...Мне просто хочется увидеть, как ты будешь смотреться в седле.

Вэй Цзиньшу опустила взгляд, раздумывая, а затем ответила:

— Шэнь Чжаожун из семьи военачальников, она умеет ездить верхом и стрелять. Если Юнь Чу хочет посмотреть, я попрошу её меня научить.

— Отлично, замечательно!

Увидев, что всё уладилось так просто, Юнь Чу тут же почувствовала облегчение. И в тот самый миг, когда она погрузилась в радость, внезапно ощутила тепло: тонкие пальцы Вэй Цзиньшу накрыли её ладонь.

Прекрасное лицо девушки, исполненное ожидания, приблизилось к Юнь Чу, и тихий, чуть манящий голос зазвучал у самого уха — совсем не похожий на обычную невинную манеру Вэй

Цзиньшу:

— Раз уж я согласилась учиться ради тебя, Юнь Чу, не должна ли ты меня вознаградить?

— А? — Юнь Чу почувствовала, что атмосфера стала какой-то неправильной.

Приняв замешательство за отказ, Вэй Цзиньшу разочарованно опустила плечи:

— Нельзя?..

— Нет... не то чтобы нельзя...

Услышав это, Вэй Цзиньшу озорно улыбнулась, словно добившись своего, и нетерпеливо произнесла:

— Поцелуй меня.

Юнь Чу замерла, не ожидая, что та снова прибегнет к этому способу, и миг покраснела до корней волос. В прошлый раз она поцеловала её, чтобы утешить, но сейчас обе были в здравом уме, и Юнь Чу никак не могла заставить себя решиться на это.

Разгадав нерешительность и нежелание в глазах Юнь Чу, Вэй Цзиньшу не рассердилась, лишь тихо вздохнула и отвернулась, обхватив себя руками.

Юнь Чу помедлила, собираясь спросить, нельзя ли выбрать что-то другое, но та заговорила снова:

— Я помню всё, что было в ту ночь, когда мне снились кошмары. Тот поцелуй был не из любви ко мне, а из жалости божества к смертной. Юнь Чу, мне не нужно такое утешение. Если тебе в тягость быть со мной, я не стану настаивать. Но я хочу, чтобы твоя искренность и чувства принадлежали только мне, без остатка. Я хочу, чтобы ты целовала меня из любви, а не из сострадания.

Слова Вэй Цзиньшу отозвались в сердце Юнь Чу болью. К тому же, грызла совесть из-за обмана, и она подумала: пусть будет так, в качестве компенсации.

— Тогда... тогда иди сюда.

Вэй Цзиньшу тут же развернулась, подставила лицо и с легкой улыбкой прикрыла глаза. В отличие от её ожидания, Юнь Чу выглядела так, будто собралась на плаху, и лишь слегка коснулась губами её лба, словно невесомый взмах крыльев стрекозы. Затем она отстранилась, опустила голову и, как ни в чем не бывало, принялась рассматривать свои пальцы.

— Юнь Чу, — тихо позвала Вэй Цзиньшу.

Юнь Чу, еще не пришедшая в себя от смущения, рассеянно подняла взгляд:

— М?

— Тебе не нужно себя заставлять, — Вэй Цзиньшу опустила глаза, и в них заблестела влага. — Я знаю, что у меня ничего нет, я не блистаю красотой и всего лишь смертная, которая не достойна твоей любви.

Юнь Чу была застенчива и не знала, как отвечать на чувства Вэй Цзиньшу, но ей совсем не хотелось, чтобы та поняла её превратно.

— Я не это имела в виду, я просто...

— Просто что?

Юнь Чу долго пыталась подобрать слова, но так и не придумала, как объяснить, и ответила честно:

— Просто не знаю, чего именно ты хочешь.

Получив ответ, Вэй Цзиньшу выдохнула. К счастью, Юнь Чу не пыталась отмахнуться, она просто была слишком чиста и неопытна. Подумав так, пока Юнь Чу с досадой смотрела в пол, Вэй Цзиньшу бесшумно придвинулась ближе, и её шепот коснулся уха богини:

— Я... хотела вот такого.

Юнь Чу невольно повернула голову и внезапно почувствовала, как её губ коснулось что-то нежное и ароматное. Тепло задержалось лишь на миг, а затем губы Вэй Цзиньшу уверенно накрыли её собственные, слегка приоткрылись, мягко сминая, вынуждая отвечать на незнакомую ласку. Ощущение было сродни тому, как если бы её окутал теплый ветер — она не могла пошевелиться, но это не было неприятно; напротив, по телу разлилась неведомая истома, а на губах остался привкус сладости, совсем не похожий на вкус десертов.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем Юнь Чу пришла в себя. Она потянулась взглядом к Вэй Цзиньшу, но та низко склонила голову, и лишь сквозь пряди волос можно было заметить, что она что-то говорит.

— В следующий раз дай мне такую награду, — Вэй Цзиньшу слегка запыхалась, и на её щеках ещё не успел погаснуть румянец. — Хорошо?

Юнь Чу прожила на небесах пятьсот лет, но никогда не испытывала ничего подобного, и на мгновение снова потеряла связь с реальностью.

— Хорошо.

После случившегося она наконец поняла, что значит идти наперекор собственному сердцу. Она должна была держаться подальше, но слова отказа застряли в горле. Она не могла отказать Вэй Цзиньшу. Юнь Чу подумала: может, она просто переела земных сладостей и напилась мирской пылью, оттого и прониклась к смертной такой необычной снисходительностью.

— Каждый сентябрь император берет наложниц на охоту в угоды. За эти четыре месяца я научусь всему, — Вэй Цзиньшу с нежностью в глазах переплела свои пальцы с пальцами Юнь Чу. — Юнь Чу, тогда я обязательно добуду для тебя лучшую добычу.

Юнь Чу улыбнулась в ответ:

— Буду ждать.

Вэй Цзиньшу склонила голову на её плечо и тихо запела мелодичную песню, а мягкость в её глазах постепенно начала угасать. Величайшая слабость небожителей — в их готовности расточать собственное сострадание, не заботясь о том, заслуживает ли этот врожденный дар тот, кому он достался.

Для Вэй Цзиньшу было неважно, жалость это или любовь. Важно было лишь то, что Юнь Чу уже никогда не вырвется из её ладоней.

История с отравленным жемчугом в разговорах наложниц превратилась из пугающего события, заставлявшего каждого опасаться за свою жизнь, в пустую болтовню за чаем. Сяо Чэнъинь так и не нашел времени разобраться с наложницей Цинь, поэтому императрица временно отложила решение её участи. Лишь когда принесенная еда осталась нетронутой у дверей, служанка, охранявшая вход, вошла внутрь и обнаружила, что наложница Цинь скончалась на своей кушетке.

Императорский лекарь сказал, что это был внезапный сердечный приступ. Она умерла с открытыми глазами, словно от сильного испуга. При дворе шептались, что наложница Цинь совершила нечто дурное и умерла от страха перед наказанием.

Наблюдая, как Вэй Цзиньшу вставляет палочку благовоний в курильницу, Юнь Чу сокрушенно покачала головой:

— После смерти люди становятся духами, входят в колесо перерождений, и благовония им уже не нужны. Лучше бы сожгла побольше бумажных денег и слитков, может, подкупила бы стражей преисподней, чтобы пропустили без очереди.

Сказав это, она продолжила бросать бумажные деньги в медную чашу, глядя, как золотистое пламя взмывает вверх, а затем медленно гаснет.

— Люди... жизнь человека подобна этому пламени: есть взлеты и падения, есть начало и конец. Всё живое рождается из малого и возвращается в тишину, но в этом бесконечном круговороте

можно вкусить разную горечь и сладость, холод и тепло, — задумчиво произнесла Юнь Чу. — Наверное, в этом и есть прелесть человеческого бытия.

Вэй Цзиньшу улыбнулась:

— Люди мечтают стать небожителями, обрести бессмертие, а ты завидуешь смертным?

Юнь Чу отряхнула руки и поднялась:

— Я просто завидую тому, что люди могут познать все земные страдания и прочувствовать весь вкус человеческих отношений. На самом деле, быть небожителем — скука. Кроме ежедневных практик и надежды поскорее стать высшим небожителем, нет никаких стремлений. В конечном счете, завидовать нечему.

— Но ведь говорят: лучше быть парой уточек-мандаринок, чем бессмертным.

Юнь Чу согласно кивнула:

— В этом есть доля истины.

Вэй Цзиньшу взяла руку Юнь Чу и прижала к своей груди:

— Тогда тебе стоит завидовать самой себе.

Почувствовав под ладонью мерный стук сердца, Юнь Чу внезапно ощутила тепло и, поддавшись странному порыву, прошептала:

— Кажется, в этом действительно есть доля истины.

<http://bllate.org/book/18883/1844217>